

УДК 101.1:316:+159.922.4+572.02
DOI: 10.25991/3033-604X.2026.95.81.004

С. В. Мажинский*

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

***Аннотация:** Концепция национального характера в современной науке представляет собой дискуссионное и спорное явление. В современной западной науке изучение концепции ведется с позиции личностных характеристик представителя той или иной нации или этноса. В отечественной науке проблематика национального характера обсуждается философами, историками, антропологами, филологами, и основной упор делается на разработку теоретической базы, в частности, на определение места национального характера по отношению к менталитету. В рамках данной статьи исследовательской точкой обозначена не личность с ее характеристиками, а общность. На основе этого рассматривается гипотеза о механике появления общности как эмерджента и национального характера как эмерджентного свойства на основе философских подходов Льюиса, Милля, Брода, Александра. В основе формирования общества как системы положено понятие конъюгации как единицы формирования связи между людьми, где важную роль играют язык и обмен. Конъюгация определяет коммуникационные характеристики общности в существующих условиях. Национальный характер в этом случае рассматривается как психо-культурная среда, образованная посредством совокупности конъюгаций. Психо-культурная среда несет в себе паттерны социального поведения и правил, культурных норм и характеристик. В этом понимании национальный характер является важным аспектом, который имеет влияние на общество, и сам находится под влиянием общества. В таком контексте формируется психо-культурный метаболизм между общностью и национальным характером.*

***Annotation:** The concept of national character in modern science is a controversial and debatable phenomenon. In modern Western science, the concept is studied from the*

* Мажинский Станислав Витальевич — доцент Санкт-Петербургской школы социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; smazhinskiy@hse.ru
Stanislav Vitalyevich Mazhinskiy — Associate Professor at the St. Petersburg School of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics; smazhinskiy@hse.ru

position of personal characteristics of a representative of a particular nation or ethnic group. In domestic science, the problem of national character is discussed by philosophers, historians, anthropologists, philologists and the main emphasis is on the development of a theoretical basis, in particular, determining the place of national character in relation to mentality. In this article, the research point is not a person with his characteristics, but a community. Based on this, a hypothesis is considered about the mechanics of the emergence of community as an emergent and national character as an emergent property based on the philosophical approaches of Lewis, Mill, Broad, Alexander. The formation of society as a system is based on the concept of conjugation, as a unit of formation of communication between people, where language and exchange play an important role. Conjugation defines the communication characteristics of a community in the existing conditions. National character, in this case, is considered as a psycho-cultural environment formed by means of a set of conjugations. The psycho-cultural environment carries patterns of social behavior and rules, cultural norms and characteristics. In this understanding, national character is an important characteristic that has an impact on society and is itself influenced by society. In such a context, a psycho-cultural metabolism is formed between the community and the national character.

Ключевые слова: национальный характер, концепция, общность, культура, генезис, эмерджентность, конъюгация.

Keywords: national character, concept, community, culture, genesis, emergence, conjugation.

Развитие концепции национального характера в XX и начале XXI вв. показывало отсутствие единого понимания и определения феномена как среди отечественного научного сообщества, так и западного. Национальный характер имеет много определений, но общее усредненное понимание сводится к тому, что это набор устоявшихся культурных и психологических особенностей, присущих каждой нации. Однако, как показывает исследовательская практика, это усредненное понимание является поверхностным и не отражает всю глубину культурных и психологических особенностей нации или этноса.

В западной науке предпринимались попытки отказаться, заменить данное понятие или уравнивать его с другими более емкими, исчисляемыми и понятными широкому кругу исследователей терминами. К примеру, нидерландский социолог Г. Хофстеде вместо национального характера предлагал термин «национальная культура» [28, с. 287], британские ученые Д. Нигбург и М. Синнирелла предлагали отождествлять его с национальной идентичностью [35, с. 688], кросс-культурные психологи Террачиано и МакКрей делали попытки уравнивать его с национальным стереотипом [39, с. 6], ирландские социологи предлагали уравнивать с философским понятием П. Бурдые «социальный габитус» [33, с. 229–231]. Большое влияние на данные западные подходы оказал психологический детерминизм, в рамках которого личностные характеристики являются точкой отчета, а культура — конструктом.

В советский период исследователями использовались термины как «национальный характер», так и «психический склад». После распада СССР в отечественной науке продолжительное время идут дискуссии о замещении или же уравнивании национального характера с термином «менталитет», введенным советским историком А. Я. Гуревичем [16; 2].

Парадокс термина «национальный характер» в настоящее время заключается в его спорности, с одной стороны, и в то же время не существует более емкого термина, который бы описывал данный феномен, с другой. Поэтому не случайно западные ученые при продолжительном отрицании термина и его критике все же вернулись к его использованию в начале 2000-х гг. [1; 37].

Так как среди научного сообщества нет общего и четкого понимания национального характера, то можно поставить вопрос о новых исследовательских подходах при его изучении. Ученые наделяли феномен национального характера следующими характеристиками: как набор или совокупность характеристик; как отражение бытия народа; как нечто неуловимое, проявляющееся в культуре народа. Все упомянутые определения и характеристики верны по-своему, однако не дают более полноценного понимания явления. Ввиду этого целью данной статьи является рассмотрение специфики генезиса феномена национального характера через систему общности.

Очевидно, что процесс зарождения феномена, который не имеет четких и общепринятых определений, должен быть представлен в виде модели, чтобы снять вопросы о внешних факторах, влияющих на его генезис. К таким факторам можно отнести климат, мораль, социальные институты, религию и т. д. К тому же это даст возможность продемонстрировать механику процесса его формирования. Так как феномен национального характера всецело и неразрывно связан с общностью, то стоит рассмотреть вопрос об особенностях формирования общности, что даст возможность определить механизм генезиса данного феномена.

Возникновение общности и конъюгация

Дискуссии о зарождении человеческих общностей как носителей национального характера являются достаточно продолжительными. Очевидно, что стремление человека к созданию связей, которые впоследствии и образуют общность, является многофакторным аспектом. Понимание механизма зарождения общности может дать представление о зарождении национального характера, как о психо-культурной среде народа.

Одним из таких подходов был рассмотрен политиком и юристом Б. Джозефом (настоящее имя Dov Yosef). Джозеф указывал на инстинктивное стремление человека к выживанию как одну из ведущих движущих сил. Это позволяет не только человеку, но животным образовывать группы. Но Джозеф придавал стремлению человека к объединению таинственное происхождение, которое позволяет притягивать и удерживать человеческие частицы в общественных

массах. Он указывал, что таинственная тяга к объединению выражается через инстинкт размножения и нерешительность занять независимую позицию по отношению к группе [30, с. 159–160].

Психологическое объяснение по установлению связей представил французский психолог и антрополог П. Буайе, указывая на врожденное чувство принадлежности к группе как естественное стремление человека. Буайе описал условия возникновения любого союза как определенный набор представлений каждого участника. К таким представлениям он относил: осознание общей цели, представление об общей цели, отказ от выгоды ради общего дела, готовность жертвовать личными интересами, понимание ожиданий действий от каждого участника, понимание затрат и выгод. Это происходит потому, что каждый участник союза или общности готов интерпретировать выгоды общности как свои собственные [7, с. 57–60]. Таким образом можно говорить о потребности в обмене и дарении в качестве врожденного импульса для установления связей между людьми. Подробное исследование на эту тему можно найти у французского антрополога М. Мосса [15, с. 134–285].

Американский лингвист и психолог М. Томаселло, опираясь на эволюционные исследования, указывал на стремление людей к сотрудничеству как основу кооперации, но каким образом и как сложилось это стремление, остается не исследованным. Стремление к сотрудничеству раскрывается в трех типах мотивов, проявленных в коммуникации. Первый — просьба, который характерен для ситуации «здесь и сейчас». Второй — информирование, выходящее за рамки просьбы и связано с желанием помочь. Третье — разделение чувств, опыта и знаний. Этот мотив тесно связан не только с разделением, но и с приобщением к общности [17, с. 12–17].

Отечественным ученым А. А. Богдановым говорилось об инстинкте человека держаться вместе с другими и действовать совместно с ними в той же манере, что и остальные. Богданов называл это стремление психологической основой всякой общности. Также им было выделено выживание как важнейший стимул к объединению, который формирует и обуславливает процесс адаптации человека. Богданов упоминал, что важным условием для объединения является сознание, без которого не может быть никакого общения [5, с. 52–67].

Стремления и инстинкты человека, указанные выше, являются импульсами, которые являются основой для сближения. Очевидно, что после сближения должна образоваться связь, создающая из элементов систему, союз или общность. Сложившуюся связь между двумя и более элементами А. А. Богданов обозначал биологическим термином «конъюгация».

Конъюгацией, в его понимании, являлись достаточно обширные формы взаимодействий в разных сферах: общение, сотрудничество, соединение образов, сплавления металлов, электрический разряд между двумя телами, обмен товарами между предприятиями, связь мозга человека с окружающей средой [6, с. 144–145]. Конъюгация в контексте общности является объемным и емким термином, в рамках которого понимается не только вербальное

и невербальное общение, но и обмен предметами, внимание, взаимопомощь, забота и другие действия, основанные на взаимности, — то есть конъюгация описывает метаболизм, происходящий между людьми, во всех его формах и создает коммуникационное и деятельное поле в широком понимании. Очевидно, что большую часть конъюгации занимает коммуникационное поле и язык как средство обмена информацией. Это стало предметом дискуссий и попытками связать язык с формированием общностей.

Французский антрополог К. Леви-Стросс писал, что все лингвистические акты, которые воспроизводит человек, относятся к уровню бессознательного поведения. У человека во время речевого акта отсутствует понимание грамматических и фонологических правил. Также Леви-Стросс понимал возникновение культурного поля как процесс, не отделенный от возникновения языка, то есть язык и культура возникают одновременно [12, с. 62–73].

Отечественный философ Н. И. Мартишина обозначила, что коммуникация в социальной среде формирует коммуникационную реальность, содержащую в себе коммуникационные феномены. Благодаря коммуникационной реальности и составляющим ее коммуникативным феноменам обеспечивается деятельность общества [13, с. 84–87].

Таким образом, язык в вербальных и невербальных проявлениях играет важнейшую роль в любой человеческой общности — согласует реальность, тем самым устанавливая и закрепляя системную связь между людьми. Согласование реальности внутри общности означает принятие определенного взгляда на феномены, отношения к людям, принятие социальных и культурных запретов, принятие праздников, обрядов и ритуалов и т. д. Как только человеку удастся согласовать реальность и создать картину мира, тогда человек начинает деятельность как субъект истории.

Человеку, помимо адаптации к первичной и вторичной средам, необходимо адаптироваться к языку как к среде, чтобы присутствовать в согласованной реальности. К тому же язык в этом контексте является стержневым компонентом конъюгации, а значит, устойчивым явлением. Однако здесь можно возразить, что язык является достаточно изменчивым компонентом, так как появляются новые слова и их формы, описывающие новые предметы и явления. Но грамматика в части порядка слов в языке является настолько медленным в плане изменчивости элементом языка, что может не изменяться в течение нескольких веков. Также в языке закладывается определенная знаковая система, присущая конкретной этнической или национальной общности. Знаковая система моделирует мир и обладает моделирующей способностью. Отсюда возникает картина или модель мира общности [14, с. 20].

Если рассматривать коммуникацию людей — конъюгацию — в рамках общности с психологической точки зрения, то стоит обратить внимание, что в акте общения и обмена участвует сознание людей. Если быть точнее, то у каждого человека есть психика с определенной структурой и опытом, посредством которой происходит восприятие окружающего мира, получение опыта и ведение

коммуникации. Так как психика людей изолирована друг от друга, то язык является единственным «мостом», который связывает психику людей и обеспечивает путь к ней. Психика определяет цели и задачи человека, все его действия обуславливаются через субъективный характер. Как указывал А. А. Богданов, при конъюгации происходит стирание важности субъективных целей элементов системы, настраивая элементы на объективное соотношение [6, с. 145].

Ввиду этого связь между людьми в рамках общности можно представить в виде взаимодействия и переплетения психики отдельных людей. А так как человек при общении вынужден в какой-то мере отказываться от субъективных целей и желаний для реализации связи, то сама связь в этом случае обретает свою психическую структуру, которая строится на определенных характеристиках. Здесь можно сказать, что связь между людьми представляет собой психологический контакт [10, с. 90]. Этой же точки зрения придерживался и М. Томаселло, объясняя происхождение психологической базовой структуры кооперативной коммуникации человека. Однако его позиция касалась эволюционного понимания процессов развития речи [17, с. 33].

Американский антрополог Э. Холл придерживался мнения о том, что культура — это и есть коммуникация. Рассматривая всю жизнь человека как общение, Холл видел спектр, охватывающий широкое поле коммуникационных событий. Исходя из этого, можно наблюдать завершенные сообщения различной продолжительности, некоторые из них очень короткие (менее минуты), а другие охватывают годы и десятилетия. В целом изучение культуры имеет дело с событиями довольно короткой продолжительности. Психология человека в его культурном и социальном окружении представляет собой коммуникативные события, имеющие большую общую продолжительность [26, с. 120].

Также стоит сказать, что каждая отдельная конъюгация между двумя людьми имеет свою собственную структуру психики, особенности и характеристики. Язык, который лежит в основе каждой конъюгации, обеспечивает психологический контакт и формирует психо-культурную среду в общности. Отсюда можно сделать вывод, что национальный характер является набором конъюгаций. И здесь уместно использовать синоним национального характера, который использовали советские ученые, описывая особенности этносов и наций, — «психический склад». В этом случае «психический склад» выступает в качестве уместного термина при понимании основ национального характера как «склада конъюгаций». Отсюда, формирование национального характера можно представить в виде формулы совокупности конъюгаций: $K_1 + K_2 + K_3 + \dots + K_n = НХ$.

Однако стоит сказать, что национальный характер не является усредненной характеристикой. В его основе лежит совокупность доминирующего типа конъюгаций, происходящих в стране, этносе, народности и т. д. Именно это определяет его непохожесть и уникальность.

Понимание национального характера как суммы конъюгаций, образующих психо-культурную среду, является важным в контексте влияния внешних

факторов. Ученые XIX и начала XX вв. называли истоками национального характера климатические, институциональные и другие факторы. Однако, исходя из представленной логики, такой подход является не совсем емким. Внешние факторы — как материальные, так и духовные — оказывают влияние не на национальный характер, а на конъюгацию и ее составляющие, на характеристики и метаболизм связей между людьми. И уже впоследствии оказанное влияние отражается на национальном характере. То есть внешние факторы должны быть усвоены психикой людей и органично встроены в конъюгации.

Эмерджент и эмерджентное свойство в контексте общности

Понимание того, что люди являются носителями национального характера, становится очевидным. Именно люди принимают участие в его формировании, развитии, сохранении и передаче культурных особенностей следующим поколениям. Отсюда следует, что национальный характер образуется только тогда, когда для этого появятся определенные условия, которые напрямую связаны с необходимостью сформироваться в определенную систему межличностных связей. То есть должна сформироваться общность как система конъюгаций определенного типа. Если принимать этот факт во внимание, то национальный характер является не чем иным, как эмерджентным свойством системы общности.

Феномен эмерджентности (с англ. «возникающий», «появляющийся») наблюдался и частично был описан еще в 1843 г. английским философом Дж. С. Миллем в работе «Система логики». Эту работу можно считать только первым этапом в описании и понимании сложного феномена. Эмерджентность понималась Миллем как явления жизни (*phenomena of life*), и эти явления не имеют аналогий ни с одним из эффектов составляющих элементов [34, с. 243].

Эмерджентность как свойство системы было впервые полноценно описано английским философом и литературным критиком Дж. Г. Льюисом в 1875 г. Льюис объяснял это так: любой конечный результат — это сумма или разница взаимодействующих сил. Любой результат можно проследить по его составляющим элементам, так как они однородны и неизменны. Но при эмерджентности происходит не складывание элементов, а происходит взаимодействие разных по виду элементов. А конечный результат при таком взаимодействии — эмерджент — представляет собой несоизмеримо большее, чем все его составные части.

Он приводил пример на структуре воды. Объясняя это тем, что вода, по сути, является эмерджентом взаимодействия двух разных газов, которые при определенном взаимодействии и при нормальных условиях формируют жидкость. Если разложить воду на составные элементы, то водород и кислород утрачивают свойства водянистости [32, с. 178–182]. Важным аспектом такого примера эмерджентности является то, что эмерджент обладает новыми характе-

ристиками сразу, с момента его появления. То есть не происходит конструирования эмерджентных свойств, они появляются одновременно с эмерджентом.

В начале XX в. теория эмерджентности была развита и доработана двумя английскими философами С. Александером и Ч. Д. Бродом. В работе 1920 г. «Пространство, время и божество» Александер понимал эмерджентность как своего рода парадокс. Эмерджентность философ определял как высшее качество, возникшее из низшего уровня и имеющее в нем свои корни. Но вместе с тем это высшее качество не принадлежит низшему уровню, а создает для него новый порядок существования со своими собственными законами поведения [20, с. 46]. Брод объяснял возникновение эмерджентности через транспорядковый закон (trans-ordinal law). Этот закон объясняет связь и взаимодействие разнопорядковых элементов в процессе эмерджентности. Брод уделял внимание тому, что обнаружить транспорядковый закон можно только в том случае, если возникнет пример высшего порядка, то есть эмерджент [23, р. 76–79].

В 1999 г. немецкий философ А. Стефан сформировал три подхода к эмерджентности, с помощью которых можно оценить любую систему: синхронный, диахронный и слабый. Синхронная эмерджентность акцентирована на вневременной связи между частями и элементами системы. Диахронная — завязана на внимании к предсказуемости новых свойств в системе. Синхронная и диахронная эмерджентность между собой имеет устойчивые связи. Слабая эмерджентность сконцентрирована на минимальных условиях для проявления эмерджентных свойств [33, с. 49–51].

Эмерджентность в современном ее понимании определяется как способ оценки отношений между сложными структурами и их составными частями. Но если говорить кратко, то эмерджентность сводят к принципу — целое является большим, чем простая сумма его частей [25, с. 1–2]. То есть совокупность элементов образует целое с новыми свойствами, которых нет у элементов по отдельности. Понятие эмерджентности используется во многих научных направлениях, к примеру, в физике, биологии, математике [21; 1, с. 421–427]. Эмерджентность также получила активное развитие в рамках лингвистики и грамматики [29, с. 274–275; 36, с. 620–631].

Перекладывая принцип эмерджентности на концепцию национального характера и на общность, можно проследить следующие особенности. Появление общности как системы — национальной, региональной, этнической, городской, сельской и т. д. — обуславливает новое состояние ее элементов, элементы облекаются в новую специфическую форму взаимодействия и поведения. А общность начинает функционировать по законам систем — имеет импульсы к развитию, к самосохранению и к балансу.

Национальный характер в этом случае является эмерджентным свойством общности и понимается в значении среды или поля, которое имеет уровни национального, этнического, регионального и т. д. Если говорить о национальном характере в любом его проявлении, то в данном контексте он становится не набором характеристик или отражением деятельности человека, а психо-

культурной средой эмерджента, оказывающей важное влияние на жизнедеятельность его элементов. К тому же общность приобретает характеристики системы, так как эмерджентность — это свойство систем.

Вопрос о человеческих общностях как о системах

Этот вопрос поднимал Н. Л. Гумилев. Он выделял семью как самый наглядный и простой пример человеческих общностей, своего рода минимальную единицу. Связи внутри семьи между отдельными несхожими людьми определялись Гумилевым как реально существующий и действующий фактор проявления системы, не имеющий физических свойств [9, с. 109–110]. При этом в каждой семье существует уникальная психо-культурная среда, создаваемая ее членами.

Любой национальный характер как эмерджентное свойство человеческой общности ставит перед этой же общностью несколько обязательных задач, таким образом проявляя свое влияние. Эти задачи были указаны отечественным исследователем С. М. Широкогоровым применительно к этносам, однако их можно приложить и к любой человеческой общности. К этим задачам Широкогоров относил приспособление к первичной среде, то есть к условиям окружающей среды и климату, и создание вторичной среды, условий созданных человеком, и приспособление к ней. Все эти задачи человек осуществляет одновременно в рамках общности. Одновременно происходит и адаптация к природным и климатическим условиям, и ведение хозяйственной деятельности. Именно такая конфигурация, по мнению Широкогорова, порождает некую внутреннюю структуру общности, которую он назвал социальной культурой [19, с. 82]. И уже культура может осуществлять влияние на приспособление как к первичной среде, так и ко вторичной.

Создание вторичной среды человеком Широкогоровым не считалось созданием чего-то искусственного. Он полагал, что вторичная среда, создаваемая общностью, является такой же естественной, как и географические и климатические условия [19, с. 63]. Создание вторичной среды выражается в ведении хозяйственной деятельности. Именно благодаря ней можно зафиксировать материальную культуру той или иной общности. Хозяйственная деятельность человека, как и национальный характер, оказывает влияние на жизнедеятельность общностей, определяя качество материальной культуры и специфику общественного развития.

В частности, есть несколько подходов в современном экономическом дискурсе, использующих теорию эмерджентности. К примеру, чтобы появилась экономическая активность, необходимы некоторые условия для возникновения экономических паттернов. К таким паттернам относятся: материальная реализация, когерентность, нераспространенность системных свойств, структурная зависимость системных свойств [27, с. 354]. Другая точка зрения фокусируется на предпринимательстве как на источнике экономической и хозяйственной

деятельности [24, с. 430]. Очевидно, что дискуссия об истоках экономики является открытой и будет иметь дальнейшее обсуждение.

Однако если смотреть на особенности хозяйства и на экономику как на эмерджентное свойство общности, то важной единицей национальной экономики является домохозяйство. Французский антрополог М. Мосс писал, что в обмене и в его договоренности принимают участие общности (кланы, семьи, племена), а не индивиды [15, с. 140]. То есть в обменных отношениях прежде всего участвуют системы и определяют правила обмена.

Исходя из вышеуказанного, национальный характер как эмерджентное свойство обуславливает общность определенных моделей поведения, хозяйственной деятельности и закрепляет культурные особенности и характеристики. Таким образом формируется своего рода метаболизм между общностью (эмерджентом) и эмерджентным свойством.

Психо-культурный метаболизм и супервентность

Многими исследователями национального характера была отмечена устойчивая взаимозависимость человека и национального характера. Рассматривая отношения между общностью и психо-культурной средой, представленной национальным характером, стоит обратить внимание на некоторые подходы, которые объясняют эту взаимозависимость.

Особенности взаимодействий человека и национального характера были отмечены в работах К. Д. Кавелина [11, с. 167], А. Блаустейна [22, с. 30] и других. На первый взгляд данное обстоятельство является очевидным. Но встает вопрос об основах и принципах данной взаимосвязи.

Взаимозависимость человека и национального характера можно провести по аналогии отношения человека и власти Мишеля Фуко, описанной в работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы». По его мнению, отношение человека и власти можно описать термином «assujettissement» (с франц.: «покорение», «подчинение», «зависимость») [18].

Позже этот вопрос развила в своих исследованиях американский философ Дж. Батлер. Она обозначила упомянутые отношения термином «субъекция». Субъекция представляет, по мнению Батлер, парадокс: с одной стороны — это становление субъекта, с другой — подчинение. Власть способствует человеку стать субъектом и определяет его место в культурно-социальном пространстве, то есть субординирует, а человек, в свою очередь, поддерживает власть для продвижения и обретения достойного места в обществе [4, с. 75]. Этой же идеи придерживаются и отечественные исследователи, которые выражают точку зрения, что посредством власти у индивида осуществляется процесс самореализации и саморазвития в социуме [3, с. 102].

Перенося этот принцип на отношения человека и национального характера, можно наблюдать явление не властной субъекции, а психо-культурной. С одной стороны, национальный характер оказывает главенствующее влияние

на формирование представителя этноса или нации, вкладывая в него все множество культурных и психологических особенностей и запрещая ему выходить за пределы культурных норм. В то же время представитель нации или этноса поддерживает и сохраняет национальный характер для того, чтобы принимать участие в осуществлении хозяйственной деятельности в рамках этноса, пользоваться продуктами культуры как материальными, так и духовными, ощущать себя причастным к общности, обретая идентичность.

Процесс генезиса национального характера и его зависимости от общности также можно описать в рамках философского термина «супервертность» (с англ. «следовать за чем-либо»), который интерпретируется как «производность», «отношение детерминированности» [8, с. 44].

Супервертность обычно описывает зависимость между физическим и не физическим, физическим и ментальным. Национальный характер супервертен, то есть является производным элементом по отношению к общности, так как не может существовать в ее отсутствии. Что касается особенности механизма супервертности, то общность кристаллизует структуру и особенности национального характера определенным образом, формируя культурную уникальность общности, ее неповторимость. Супервертность в этом случае может объяснить, почему некоторые особенности или черты одной общности не могут быть приняты другой.

Объяснить феномен супервертности можно на следующем примере. В какой-либо общности был сильный голод, который определил или поменял поведение, отношение в общности к предметам и феноменам, а его последствия отразились в психо-культурной жизни общности, то есть на национальном характере, через который, в свою очередь, данный голод может проявиться в определенных социальных отношениях, поведенческих формах, обрядах или праздниках. Также влияние супервертности можно объяснить не только через веховые события, но и при поддержке общности национального характера, которое происходит ежедневно и неосознанно.

Также стоит рассмотреть феномен с обратной стороны, то есть производность общности от психо-культурной среды. Очевидно, что зависимость общности от психо-культурной среды чрезвычайно высока. Однако термин супервертности в этом случае неуместен. Так как влияние национального характера на общность имеет обратный процесс супервертности, то в этом случае можно предложить термин «ресупервертность». Ресупервертность показывает определенную детерминированность общности национальным характером в части взаимодействия, поведения, культурных установок, морали, запретов, быта и т. д.

Таким образом, отношения между системой общности и психо-культурной средой, национальным характером, могут быть представлены в виде метаболизма, где общность и национальный характер являются одновременно и объектами, и субъектами влияния [31, с. 549–550].

Что касается попыток мирового ученого сообщества уравнивать или заменить национальный характер на более точный термин, то в этом случае можно

наблюдать определенную проблематику. Предложенные термины: социальный габитус, национальный стереотип, ментальность, национальная идентичность в рассматриваемом случае являются проявленным продуктом метаболизма системы человеческой общности и ее эмерджентного свойства — национального характера.

Таким образом, попытка рассмотрения генезиса национального характера, как психо-культурной среды, через предложенные подходы раскрывает сложность его толкования, описания и определения. Также раскрывается сущность парадокса данного феномена, который, с одной стороны, непонятен и нематериален для исследователей, с другой — не имеет более четкого и емкого синонима или трактовки, что заставляет исследователей к нему обращаться, либо отрицать его, заменяя более емкими концепциями. Метаболизм между национальным характером и общностью обуславливает появление феноменов или свойств, которые имеют как универсальный характер, так и специфический для конкретной общности. Опираясь на особенности генезиса национального характера, как психо-культурной среды общности, данный феномен может получить дальнейшее обсуждение, теоретическое развитие и практическое применение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбеков Н. Н. Эмерджентность как объект современной науки // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2—1. С. 421—427.
2. Анисимова Н. Н. Национальный характер и национальный менталитет // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2019. № 1—2 (31). С. 5—10.
3. Бадретдинов З. А., Бадретдинов В. З. Человек и власть // Вестник ТГПУ. 2008. № 3 (77). С. 98—103.
4. Батлер Д. Психика власти: теории субъекции. СПб.: Алетея, 2022. 160 с.
5. Богданов А. А. Из психологии общества. СПб.: Электронпечатня товарищества «Дело», 1906. 283 с.
6. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). М.: Экономика, 1989. Т. 1. 304 с.
7. Буаие П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 436 с.
8. Волошин В. В. Возможные миры и супервертность // Культура и цивилизация. 2018. № 2 (8). С. 43—52.
9. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 639 с.
10. Защиринская О. В. Концептуальные представления о структуре общения // Вестник Сакнт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 4. С. 89—98.
11. Кавелин К. Д. Государство и община. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1296 с.
12. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
13. Мартишина Н. И. Коммуникация как основание социального бытия / Лойфман И. Я. (ред.). Основания социального бытия. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2002. С. 84—87.

14. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.
15. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2022. 416 с.
16. Тихонова В. Б. Национальный характер и менталитет // Академический журнал. 2007. № 5. С. 19–28.
17. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
18. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem Press, 2021. 384 с.
19. Широкогоров С. М. Этнос. М.: Книжный дом «Либерком», 2012. 136 с.
20. Alexander S. Space, Time, and Deity. London: Palgrave Macmillan UK, 1966. 841 p.
21. Beorlegui C. Emergentism // Pensamiento. 2009. Vol. 65. No. 246. Pp. 881–914.
22. Blaustein A. I. Moral responsibility and national character // Society. 1982. Vol. 19. No. 4. Pp. 25–31.
23. Broad C. D. The Mind and Its Place in Nature. London: Routledge and Kegan Paul Ltd., London, 1925. 674 p.
24. Foster J., Metcalfe J. S. Economic Emergence: An Evolutionary Economic Perspective // Journal of Economic Behavior & Organization. 2012. Vol. 82. No. 2–3. Pp. 420–432.
25. Gibb S. C., Hendry R. F., Lancaster T. (eds.) The Routledge Handbook of Emergence. London; New York: Routledge, 2019. 420 p.
26. Hall E. T. The Silent Language. New York: Doubleday & Company, Inc., 1959. 240 p.
27. Harper D. A., Endres A. M. The Anatomy of Emergence, With a Focus Upon Capital Formation // Journal of Economic Behavior & Organization. 2012. Vol. 82. No. 2–3. Pp. 352–367.
28. Hofstede G. National Cultures Revisited // Behavior science research. 1983. No. 4 (18). Pp. 285–305.
29. Hogan P. C. (ed.) The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2011. 1021 p.
30. Joseph B. Nationality: Its Nature and Problems. London: George Allen and Unwin Ltd, 1929. 380 p.
31. Kim J. Emergence: Core Ideas and Issues // Synthese. 2006. Vol. 151. No. 3. Pp. 547–559.
32. Lewes G. H. Problems of Life and Mind. Boston: Houghton, Osgood and Company, 1879. 189 p.
33. Loyal S., Quilley S. State Formation, Habitus, and National Character: Elias, Bourdieu, Polanyi, and Gellner and the Case of Asylum Seekers in Ireland // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2020. Vol. 45. No. 1 (171). Pp. 226–261.
34. Mill J. S. A System of Logic. London: Longmans, Green, and Co., 1895. 622 p.
35. Nigbur D., Cinnirella M. National Identification, Type and Specificity of Comparison and Their Effects on Descriptions of National Character: Identification and Context in National Identity // European Journal of Social Psychology. 2007. Vol. 37. No. 4. Pp. 672–691.
36. O'Grady W. Innateness, Universal Grammar, and Emergentism // Lingua. 2008. Vol. 118. No. 4. Pp. 620–631.
37. Sneffjella B., Schmidtke D., Kuperman V. National Character Stereotypes Mirror Language Use: A Study of Canadian and American Tweets // PLOS ONE. 2018. Vol. 13. No. 11. Pp. 1–37.
38. Stephan A. Varieties of Emergentism // Evolution and Cognition. 1999. Vol. 5. Pp. 49–59.
39. Terracciano A. et al. National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures // Science. 2005. Vol. 310. No. 5745. Pp. 96–100.

1. Albekov, N. N. *Emerdzhentnost' kak ob'ekt sovremennoi nauki* [Emergence as an Object of Contemporary Science]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, no. 2–1, pp. 421–427. (In Russian).
2. Anisimova, N. N. *Natsional'nyi kharakter i natsional'nyi mentalitet* [National Character and National Mentality]. In: *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2019, no. 1–2 (31), pp. 5–10. (In Russian).
3. Badretdinov, Z. A., Badretdinov, V. Z. *Chelovek i vlast'* [Man and Power]. In: *Vestnik TGPU*, 2008, no. 3 (77), pp. 98–103. (In Russian).
4. Butler, D. *Psikhika vlasti: teorii sub'ektsii* [The Psyche of Power: Theories of Subjection]. Saint Petersburg, Aletheia, 2022. 160 p. (In Russian).
5. Bogdanov, A. A. *Iz psikhologii obshchestva* [From the Psychology of Society]. Saint Petersburg, Elektropechatnia tovarishchestva “Delo”, 1906. 283 p. (In Russian).
6. Bogdanov, A. A. *Tektologiya: (Vseobshchaia organizatsionnaia nauka)* [Tectology: General Organizational Science]. Moscow, Ekonomika, 1989, vol. 1. 304 p. (In Russian).
7. Bouaye, P. *Anatomiia chelovecheskikh soobshchestv: kak soznanie opredeliaet nashe bytie* [Anatomy of Human Communities: How Consciousness Determines Our Being]. Moscow, Alpina Non-Fiction, 2020. 436 p. (In Russian).
8. Voloshin, V. V. *Vozmozhnye miry i superventnost'* [Possible Worlds and Supervenience]. In: *Kultura i tsivilizatsiia*, 2018, no. 2(8), pp. 43–52. (In Russian).
9. Gumilev, L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth]. Saint Petersburg, Kristall, 2001. 639 p. (In Russian).
10. Zashchirinskaia, O. V. *Kontseptual'nye predstavleniia o strukture obshcheniia* [Conceptual Representations of Communication Structure]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2013, no. 4, pp. 89–98. (In Russian).
11. Kavelin, K. D. *Gosudarstvo i obshchina* [State and Community]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, 2013. 1296 p. (In Russian).
12. Lévi-Strauss, C. *Struktornaia antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Eksmo-Press, 2001. 512 p. (In Russian).
13. Martishina, N. I. *Kommunikatsiia kak osnovanie sotsial'nogo bytiia* [Communication as the Basis of Social Being]. In: Loifman, I. Ya. (ed.), *Osnovaniia sotsial'nogo bytiia*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2002, pp. 84–87. (In Russian).
14. Mel'nikova, A. A. *Iazyk i natsional'nyi kharakter: vzaimosviaz' struktury iazyka i mental'nosti* [Language and National Character: The Relationship of Language Structure and Mentality]. Saint Petersburg, Rech', 2003. 320 p. (In Russian).
15. Moss, M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Moscow, KDU, 2022. 416 p.
16. Tikhonova, V. B. *Natsional'nyi kharakter i mentalitet* [National Character and Mentality]. In: *Akademicheskii zhurnal*, 2007, no. 5, pp. 19–28. (In Russian).
17. Tomasello, M. *Istoki chelovecheskogo obshcheniia* [Origins of Human Communication]. Moscow, Iazyki slavianskikh kultur, 2011. 328 p. (In Russian).
18. Foucault, M. *Nadzirat' i nakazivat': rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Press, 2021. 384 p. (In Russian).
19. Shirokogorov, S. M. *Etnos* [Ethnos]. Moscow, Knizhnyi dom “Liberkom”, 2012. 136 p. (In Russian).
20. Alexander, S. *Space, Time, and Deity*. London, Palgrave Macmillan UK, 1966. 841 p. (In English).
21. Beorlegui, C. Emergentism. In: *Pensamiento*, 2009, vol. 65, no. 246, pp. 881–914. (In English).

22. Blaustein, A. I. Moral Responsibility and National Character. In: *Society*, 1982, vol. 19, no. 4, pp. 25–31. (In English).
23. Broad, C. D. *The Mind and Its Place in Nature*. London, Routledge & Kegan Paul Ltd., 1925. 674 p. (In English).
24. Foster, J., Metcalfe, J. S. Economic Emergence: An Evolutionary Economic Perspective. In: *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2012, vol. 82, no. 2–3, pp. 420–432. (In English).
25. Gibb, S. C., Hendry, R. F., Lancaster, T. (eds.) *The Routledge Handbook of Emergence*. London; New York, Routledge, 2019. 420 p. (In English).
26. Hall, E. T. *The Silent Language*. New York, Doubleday & Company, 1959. 240 p. (In English).
27. Harper, D. A., Endres, A. M. The Anatomy of Emergence, With a Focus Upon Capital Formation. In: *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2012, vol. 82, no. 2–3, pp. 352–367. (In English).
28. Hofstede, G. National Cultures Revisited. In: *Behavior Science Research*, 1983, no. 4(18), pp. 285–305. (In English).
29. Hogan, P. C. (ed.) *The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2011. 1021 p. (In English).
30. Joseph, B. *Nationality: Its Nature and Problems*. London, George Allen & Unwin Ltd., 1929. 380 p. (In English).
31. Kim, J. Emergence: Core Ideas and Issues. In: *Synthese*, 2006, vol. 151, no. 3, pp. 547–559. (In English).
32. Lewes, G. H. *Problems of Life and Mind*. Boston, Houghton, Osgood & Company, 1879. 189 p. (In English).
33. Loyal, S., Quilley, S. State Formation, Habitus, and National Character: Elias, Bourdieu, Polanyi, and Gellner and the Case of Asylum Seekers in Ireland. In: *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, 2020, vol. 45, no. 1(171), pp. 226–261. (In English).
34. Mill, J. S. *A System of Logic*. London, Longmans, Green & Co., 1895. 622 p. (In English).
35. Nigbur, D., Cinnirella, M. National Identification, Type and Specificity of Comparison and Their Effects on Descriptions of National Character: Identification and Context in National Identity. In: *European Journal of Social Psychology*, 2007, vol. 37, no. 4, pp. 672–691. (In English).
36. O’Grady, W. Innateness, Universal Grammar, and Emergentism. In: *Lingua*, 2008, vol. 118, no. 4, pp. 620–631. (In English).
37. Sneffjella, B., Schmidtke, D., Kuperman, V. National Character Stereotypes Mirror Language Use: A Study of Canadian and American Tweets. In: *PLOS ONE*, 2018, vol. 13, no. 11, pp. 1–37. (In English).
38. Stephan, A. Varieties of Emergentism. In: *Evolution and Cognition*, 1999, vol. 5, pp. 49–59. (In English).
39. Terracciano, A. et al. National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures. In: *Science*, 2005, vol. 310, no. 5745, pp. 96–100. (In English).